

Волосы уже высохли, а мама Гу всё ещё не возвращалась.

— Уже половина девятого, а тётя всё не идёт? — спросил Линь Го.

— Сейчас придёт, наверное, зашла к кому поболтать, — ответил Гу Чанъань, не отрываясь от игры.

— Ага, — Линь Го сел на кровать. — Ты ляжешь с краю или к стене?

— Неважно, — пожал плечами Гу Чанъань. — Где тебе удобнее, там и ложись.

— Тогда я к стене, — Линь Го похлопал по матрасу.

— Ладно, ложись к стене, а то свалишься, — усмехнулся Гу Чанъань.

— Я же не трёхлетка, — Линь Го закатил глаза.

Как раз игра закончилась. Гу Чанъань вышел из неё и сказал: «Ты же мой трёхлетний малыш Го Го».

— Эй, «просто друг», хватит так неловко заигрывать.

— Какое неловко? Я искренне выражаю любовь к своему малышу.

— Ладно, не хочу с тобой разговаривать. Я ложусь.

Только он лёг, как послышалось, что мама Гу вернулась. «Лежи, не вставай», — сказал Гу Чанъань, закрыл дверь и вышел поговорить с матерью.

Минут через пять он вернулся, разделся и забрался под одеяло. «Ли сказала, чтобы я не играл и раньше спать ложился. А ты, „просто друг“, во сколько засыпаешь?»

— Сейчас всего девять, — не поверил своим ушам Линь Го.

— Ранний сон полезен для здоровья, — парировал Гу Чанъань.

Линь Го приподнялся на локте. — Ты серьёзно?

— Посмотри на свои синяки под глазами. Не думай, что раз симпатичный, можно за собой не следить, — сказал Гу Чанъань, поправляя одеяло.

— Ты предлагаешь молодому человеку спать с девяти? — возмутился Линь Го.

— Сон — самый дешёвый способ сохранить красоту, — ухмыльнулся Гу Чанъань.

— Ты оскорбляешь ночную жизнь молодёжи, — проворчал Линь Го.

Гу Чанъань притянул его к себе. — Малыш, я знаю, ты хочешь со мной эту ночную жизнь провести, но сейчас условия не те. Давай просто обнимемся.

— Эй, мой телефон, — сказал Линь Го.

Гу Чанъань взял аппарат из его рук. — На зарядку?

— Не надо, всё равно никто не напишет, — Линь Го покачал головой.

— Хорошо, — Гу Чанъань положил телефон на тумбочку. — Обнимемся.

— Не хочу. Спать, — Линь Го повернулся к нему спиной.

— Уверен, что хочешь лежать ко мне затылком? — спросил Гу Чанъань.

Подумав, Линь Го всё же развернулся. — Только не дёргайся.

— Ладно, просто обнимемся.

Линь Го уткнулся лицом в грудь Гу Чанъаня. Тот обнял его, прижался подбородком к мягким волосам и тихо позвал:

— Го Го.

— М-м?

— Страшно?

— ...

— Родители за стеной, а мы тут обнимаемся. Нервно, да?

— Отстань.

Линь Го оттолкнул Гу Чанъаня и снова повернулся на бок. — Не приставай, я сплю.

— Хорошо, не буду.

Гу Чанъань подsunул одну руку Линь Го под шею, другой обхватил его. Линь Го поначалу немного нервничал, но Гу Чанъань и вправду просто крепко его обнял — даже уютно получилось. Вскоре Линь Го уснул.

Почувствовав, что в его объятиях дыхание стало ровным, Гу Чанъань осторожно окликнул:

— Го Го?

Ответа не было.

Тогда Гу Чанъань тихонько задрал край футболки Линь Го, просунул руку внутрь и, вполне довольный, притянул его ещё ближе.

Примечание автора:

Выкладываю две главы разом!

Последние дни вымотался, сорри за пропуск.

Может, перейти на обновление через день?...

Ах, меня сейчас задушат, уже не могу дышать...

Гигантский осьминог был ростом с Линь Го, а если считать щупальца, так и вовсе выше. Тварь

сразу обвилась вокруг него, щупальца сжимали тело всё туже, и сколько Линь Го ни бился, вырваться не получалось.

Что за чудовище? Вроде после образования КНР духам запретили появляться!

Да и на китайского духа не похож. Уж если превращаешься, так следи за внешностью! Явиться в виде здорового осьминога, даже в человеческий облик не перевоплотившись, — это уже перебор.

Строго говоря, это даже не дух, а просто чудовище.

Но проблема в том, что этот урод сейчас его и душит.

Всё, конец. А где, спрашивается, Гу Чанъань? Вечно вертится под ногами, а сейчас, когда я помираю, его и след простыл!

Внезапно огромная голова осьминога приблизилась к самому лицу Линь Го, будто оценивая, стоит ли добыча усилий. Будь это пёс, он бы уже облизывался.

Фу, какая гадость. Голова-то какая огромная и склизкая! Не трогай меня, тварь!

Линь Го из последних сил выдернул руки из щупалец и вцепился в одно из них.

Нет, такую смерть я не приму! Даже если не суждено умереть в роскошных апартаментах, стать удобрением для морского дна в брюхе этого монстра — это уж слишком!

А-а-а!

Отчаянные попытки вырваться не избавили от давления, но зато заставили открыть глаза.

«Голова» осьминога покоилась между его щекой и плечом. Полтела навалилось на него, одна рука лежала на груди, нога перекинута через бок — он был полностью зажат в объятиях.

Вот оно что...

Линь Го повертел шеей и скопился вбок.

Вот почему было скользко. Лоб Гу Чанъаня слегка лоснился. Эх, теперь я по-настоящему понял, что такое жирная кожа.

— Чанъань...

Голова Гу Чанъаня поёрзала у него на щеке.

— Чанъань, вставай.

Голова зарылась глубже.

— Последний шанс, иначе приму меры.

Нога Гу Чанъаня дёрнулась.

С каменным лицом Линь Го протянул греховную руку к промежности Гу Чанъаня и сжал.

— А-а-а, чёрт!

Линь Го отдернул руку. Гу Чанъань, схватившись за причинное место, закатился по кровати.

Выбравшись на свободу, Линь Го перелез через скрючившееся тело и отправился умываться с зубной щёткой, которую накануне дала мама Гу.

— Ты что, хотел меня... раздавить? С утра пораньше... — стонал Гу Чанъань.

Линь Го с отличным настроением чистил зубы. Бойся он захлебнуться зубной пастой — так бы и запел.

Сам виноват. Кто тебя просил на мне лежать?

Он уже смыл пену с лица, когда Гу Чанъань, пошатываясь, вышел из комнаты по нужде.

— Хм-м.

Линь Го встряхнул руками и вышел из ванной.

Гу Чанъань, увидев это, завершил дела, встряхнулся, застегнул штаны и заявил:

— Так-так. Пользуешься моим стаканом, моим полотенцем, спишь в моей кровати и на мне, а с утра пораньше чуть не раздавил мои драгоценности. А совесть?

Линь Го натягивал свои джинсы. — А что я такого сделал? Я же предупредил перед тем, как сжать.

— Чёрт, мог бы и покалечить.

Линь Го окинул жалобную физиономию Гу Чанъаня безмятежным взглядом. — А мне-то что с того, если ты покалечишься?

— А чем ты тогда будешь пользоваться?

— Не факт, что мне это вообще понадобится. Может, твоя штукovina изначально бесполезна, — Линь Го бросил беглый взгляд ниже пояса Гу Чанъаня и равнодушно отвёл глаза.

— Малыш, ты это старшего брата провоцируешь? — Гу Чанъань, стиснув зубы, подскочил и схватил его за руку.

— Эй, без рук! — Линь Го отпрыгнул на пару шагов.

Гу Чанъань упёрся одной рукой в стену, приняв позу «стенка», и сказал:

— Руками не буду. Просто дам кое-что оценить. — И прижал руку Линь Го к своему возбуждению.

Линь Го дёрнул руку. — Оценить что?! Бесстыдник!

Наблюдая, как лицо Линь Го заливается румянцем с пугающей скоростью, Гу Чанъань ощутил сладкое торжество. — Хе-хе, малыш.

— Чего? — буркнул Линь Го.

— Старший брат внушительный? — Гу Чанъань похабно поднял бровь.

Линь Го уставился на него ледяным взглядом и с невозмутимостью произнёс:

— Ничего особенного. — После чего оттолкнул Гу Чанъаня и отправился в комнату одеваться.

Вернувшись одетым, он застал Гу Чанъаня сидящим на диване с выражением лица «меня ранили в самое сердце, мне больно и обидно».

Линь Го подошёл и потрепал его по голове. — Я пошёл.

Гу Чанъань жалобно посмотрел на него снизу вверх.

— Я пошёл. Скажи «пока».

Гу Чанъань: QAQ.

— Ладно, не хочешь — не надо. Иди оденься, а то простудишься.

Гу Чанъань оставался недвижим, как скала.

— Э-э...

Линь Го подумал, снова погладил «собачью» голову и вздохнул. — Ладно уж. На самом деле твой размер... ну... вполне ничего...

Гу Чанъань продолжил излучать обиду: Просто «вполне ничего»?

<http://bllate.org/book/16270/1464315>